

Людмила Тобольская

БЕРНАРДЕН

и другие повести

Людмила Тобольская

БЕРНАРДЕН
и другие повести

Бостон • 2025 • Чикаго

Людмила Тобольская *Бернарден и другие повести*
Lyudmila Tobolskaya *Bernardin and Other Stories*

Copyright © 2025 by Lyudmila Tobolskaya

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-93-7

**Книга издана в авторской редакции
с сохранением оригинальной пунктуации**

Book Design by Bagriy & Company, Chicago, IL © 2025

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

□ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Бернарден.....	7
Взгляд с холма.....	78
Глоток вечности.....	118
В ясный день желанный.....	161
Рябковский поворот.....	186
<i>Об авторе</i>	212

БЕРНАРДЕН

Лучше было бы ему, если бы мельничные жёрнов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих.

Лк. 17, 2

Идёшь вот так, размеренно шагая, всё вниз и вниз по широким уступам тротуара, что спускается к старинной площади, а впереди открывается здание за зданием.

Все они, что называется, чудом уцелевшие свидетели разных, далёких и близких, эпох.

Наискосок виден сохранившийся фрагмент красной стены Китай-города с его приземистой кирпичной башней. На противоположном углу — тёмно-серый, отблёскивающий рядами больших окон, министерский дом с мемориальной доской у широкой угловой входной двери, а на доске этой — текст об «этапах большого пути» и славном соратнике вождя этой эпохи, жизнь которого, однако, закончилась обычной для соратников того времени трагедией.

И почти вплотную выступает из глубины поздних наслоений грунта, из так называемого «культурного слоя» узорная кирпичная Церковь Всех Святых на Кулишках, памятная уж совсем далёкими событиями... Татарское иго. Поход Дмитрия Донского. Память не удерживает многого...

Но всегда Анну так и тянет, если уж нельзя войти в этот, как объявляет очередная мемориальная доска, «памятник архитектуры», то хотя бы обойти достославный храмик...

Однако сегодня надо спешить. В кармане жжёт руку открытка, полученная накануне. Очередное приглашение, на которое нельзя опаздывать. И оттого все посторонние мысли скукоживаются, уходят...

Итак, всё влево и влево, вглубь старинных переулков, уже не обращая внимания, не видя эту старину...

Вот и знакомая приёмная ОВИРа — ковровая дорожка вдоль коридора. Стулья у стен. Садись у двери инспектора и ждешь, ждешь...

— У вас случайно нет с собой валидола? — рядом сидящая женщина средних лет ярко выраженного еврейского типа поворачивает к Анне бледное встревоженное лицо.

— У меня есть, — отзывается сухощавый старик из угла рядом с дверью «Приём документов на выезд» и, привстав, протягивает ей металлический цилиндр с таблетками. Соседка замедленно берёт одну, кладёт под язык и прикрывает глаза. Открытая ладонь с блестящим цилиндром покоится на коленях, старик осторожно забирает упаковку.

— Я боюсь, — говорит еврейка через минуту, слегка шепелявя от лежащей под языком таблетки, — что не успею уехать... Так и похоронят здесь... Зачем я не уехала вместе с детьми?!

— Давно ждёте? — интересуется старик.

— Полтора года. Два отказа...

— И вы отчаиваетесь? Полтора года — это не срок...

— А вы? — соседка обращает лицо к Анне.

— Шесть лет.

— Боже мой! — почти вскрикивает соседка и хватается за сердце.

— Что вы делаете!.. — потрясает старик ладонью в воздухе. — У вас приступ, а вы так нервируете себя. — Шесть лет это тоже не срок! Это нормально, есть люди, что ждут по десять лет и больше, а потом получают разрешение. И уезжают. Нужно набраться терпения и ждать... И не паниковать.

— А вы что же, ещё только подаёте? — не унимается собеседница, обращаясь теперь к нему.

Старик ничего не отвечает, положив валидол в карман, он встаёт и начинает прохаживаться по длинной ковровой дорожке. Туда и назад.

«Правильно, — думает Анна. — Здесь для таких разговоров и расспросов не место. А я: „Шесть лет“! Расхваста-

лась... Вот, дескать...» — она не успела додумать, услышав по селектору свою фамилию.

В кабинете, куда она вошла, всё было ей давно знакомо: канцелярская мебель, две картины Шишкина на противоположных стенах: вездесущая медвежья семья в утреннем бору и красавицы-сосны посреди колосющегося поля.

Женщина-инспектор, принимавшая её на этот раз, раскрыла папку с документами, и по той форменной бумаге, что легла на стол, Анна поняла, не читая, — снова отказ. Как всегда, охватило возмущение, отчаяние, и потом почему-то стыд. Стало тяжело дышать. Села на стоявший сбоку от стола стул, медленно потянулась к бумаге, медленно прочла. Да, отказ, всё в тех же казённых выражениях... и это всегдашнее: «нецелесообразно!» Станным для себя самой ледяным голосом спросила инспектора:

— Ну и почему же мой отъезд представляется вам нецелесообразным?

— Я не принимаю решений, я должна только ознакомить вас с документом. Распишитесь, что вы с ним ознакомлены. Вот тут.

Следя за её пальцем, Анна, прежде чем подписать, крупно вывела: «С решением категорически не согласна».

— Ну опять! Зачем вы каждый раз что-то такое пишете? Ведь мы не в игрушки играем.

— Поэтому и пишу. Для меня это совсем не игра. Я получила от вас фактически запрет на профессию. Я — скрипачка, без работы я теряю не только деньги, но и квалификацию.

— Но зачем же вы вообще всё это начинали?

— Это начали вы, простите, когда по не известной мне до сих пор причине не пустили меня, ведущую скрипачку и помощника концертмейстера, на гастроли — и куда? — в демократическую Чехословакию! Я что, показалась вам неблагонадёжной?

— Обсуждение деталей вашего дела не входит в мою компетенцию, извините. Внизу документа указан срок, по прошествии которого вы можете возобновить своё ходатайство о выезде, — и, не глядя на Анну, небрежно бросила: — Родину надо больше любить. Вы свободны.

Уже оказавшись на улице, Анна попыталась вспомнить, кому именно, выйдя из кабинета, она машинально пожелала «всего хорошего», были ли это те самые двое, с валидолом, или уже сидели другие люди... Вспомнить не смогла. «Да, нервы у вас, Анна Никитична, нервы... Очень нервная система».

Подтрунивая над собой, она решила «заесть» горе сладкими пирожками, купленными на углу бульвара, и обнаружив, что они вовсе не с повидлом, а с грибами, усмотрела в том скрытый смысл: ешь, мол, пирог с грибами, держи язык за зубами. И действительно, зачем было вступать в дискуссию с этой механической куклой, чего ты хотела добиться?.. Так или иначе, надо было жить дальше. Как сказал тот старик в ОВИРе, набраться терпения и не паниковать.

* * *

Августовский воскресный день в Измайлове был мягок и безветрен. Слегка пригревало склоняющееся на осень солнышко. В аллее, недавно отведённой городскими властями художникам для продажи своей «продукции», размещались живописцы и графики, мастера народных промыслов и народ, принёсший на продажу своё рукоделие.

Анна направлялась к одной из аллей, где и у неё образовалось постепенно своё место, своя «торговая точка», свои, обычно постоянные, соседи и даже свои покупатели.

Те несколько лет, что она была «в отказе», то есть никак не могла получить разрешение на выезд из страны, её жизнь выработала своеобразный стиль. Неопределённость будущего, затянувшаяся временность настоящего. Единственное, что для отказника было наверняка неизменным, — это гарантированное отсутствие работы; ещё при подаче документов ты должен был освободить место «по собственному желанию».

Вот так когда-то она лишилась работы в симфоническом оркестре. А потом и мужа, который не сумел пожертвовать преподавательской службой и даже поспешил отделиться

от них с дочкой. Эти годы так раскрыли его, да и многих окружающих её людей, что вернись сейчас всё назад, она, ей-богу, не знала бы, радоваться или нет.

Теперь у неё был совсем иной круг. Из старых друзей остались, пожалуй, только Рита и Вадим, так же, как и она, ждущие разрешения на выезд. Вадим был поэтом-диссидентом, известным в своём кругу, а Рита, естественно, не только его женой, но и главной поклонницей и музой.

Именно к ним Анна и должна была ехать в тот день, после воскресных торгов, на семейное торжество.

Подарок она с утра таскала в сумке — этакую красочную, изданную в Прибалтике на русском языке (дело происходило ещё до распада Советского Союза), книжку для двоих: «Готовим вместе» — как раз для Риты и Вадима, для их теперешнего периода очередной влюблённости друг в друга. Периоды влюблённости и отчуждения у них возникали и чередовались, проходя «с треском и блеском», ещё с институтских времён. Но всё неизменно возвращалось на «круги своя», так что теперь Анна уже и позабыла, что же отмечалось в тот день, — круглая дата в браке или очередной неудавшийся развод, или, может быть, окончание (наконец-то!) капитального ремонта, из-за которого они более трёх лет жили на старенькой даче в Подмосковье.

В их общей экстремальной ситуации добывать средства к существованию каждый исхитрялся как мог.

Анна, например, бегала по урокам, «подтягивала» отстающих маленьких скрипачей, тех, что учились, главным образом, по родительской прихоти, а в свободное время изобретала себе «творческий заработок» для души, став всегдатаем воскресных ярмарок искусства в Измайлове.

Она рисовала на продажу то акварельные пейзажи и натюрморты, то шила весёлые грелки на чайники в виде птиц и матрёшек, то плела украшения из бусинок и льняного макраме.

Помнится, что в тот день она приготовила две акварели, но основная продукция была совсем не картинки, а — рыбы. Пушистые, плотной вязки синтетические рыбы-мочалки разных цветов, видов и размеров. Они могли служить как

настенным украшением ванной или кухни, так и выполнять свою утилитарную функцию, то есть служить мочалками. Когда она связала первых таких рыб для собственного дома, ими сразу полюбила мыться маленькая дочка, играя одновременно этими рыбами в воде.

А длинными пятнистыми шуками было так удобно тереть спину!

...Установив натюрморты на подставки, Анна развесила рыб красочными гроздьями, совсем как рыбаки навешивают улов на куканы, и огляделась вокруг.

С одной стороны от неё устроилась немолодая уже женщина Лидия Васильевна со своим всегдашним вязанием крючком: белоснежными накрахмаленными салфетками, стопкой лежащими на складном столике перед ней. Сама же Лидия Васильевна, удобно устроившись на складной табуреточке, продолжала вязать и здесь. Руки мелькали проворно, нитка тянулась из сумочки на боку.

Около неё время от времени останавливались посетители, наблюдая за работой, расспрашивали о тонкостях вязки, покупали, а порой и делали заказ.

С другой стороны стоял живописец Анатолий. Настоящей школы у него не было, он был из самоучек, но со способностями, и его работы, неправдоподобно яркие, с обильным употреблением химических оттенков и чёрного цвета, являли собой или райские идиллии, или картины Апокалипсиса. Обнажённые тела красавиц с развевающимися волосами и красавцев с фигурами культуристов, в обилии представленные на полотнах, привлекали постоянных зевак. Покупатели тоже были, хотя знающий себе цену живописец и не был дешёвым.

Фамилии его Анна не знала, он представлялся только по имени, а на картинах подписывался странным знаком, похожим на иероглиф, объясняя всем, что после смерти уже неважно — останется ли в памяти потомков твоё имя или только его знак.

Анна же хоть и подписывалась на своих работах настоящей фамилией, однако след в памяти потомков не планировала оставлять. В дальнейшем она собиралась вернуться

к работе оркестровой скрипачки в каком-нибудь хорошем иностранном оркестре, гастрوليрующем по всему миру, и заниматься «художничаньем», как это называла её девятилетняя дочка, только для себя.

Покупатели, прогуливаясь по аллее этой импровизированной выставки, «культурно отдыхали», делясь впечатлениями и обсуждая между делом свои жизненные проблемы...

Постепенно таяла стопка салфеток Лидии Васильевны.

Ушли две наиболее сексуальные райские картины Анатолия.

Обе Аннины акварели неожиданно купил знакомый виолончелист из её бывшего оркестра и долго, как бы между прочим, пытался выпросить, с чего начинать подачу документов на выезд и чем это грозит.

Их разговор прервал подошедший знакомый поэт, друг Вадима, по прозвищу Кит.

— Ну, ты будешь сегодня? — сходу приступил он, провожая косящим взором ретирующегося виолончелиста. И тут же схватился за кукан с рыбами. — А эт-то что у тебя такое?! М-м-м... — он начал мять пальцами пушистую разноцветность.

— Мочалки. Для тела и для души.

— Здорово. Слу-ушай, да ведь это оригинальная мысль, для рекламы! Для тела и для души! Что же не напишешь? Прямо так и напиши. А?

Анна пожалала плечами.

Но Кит уже загорелся. Она знала эту его способность загораться чужой идеей и служить ей без всякой собственной выгоды:

— Бумага есть?

У Анны не было.

— Я сейчас... — и он исчез в толпе. Вернулся с листом плотного ватмана и толстым фломастером: — Пиши, художник, а у меня и ещё одна идейка есть.

Плакат явно привлёк внимание: несколько человек остановились, к рыбам потянулись руки.

— Ну вот, смотри, как здорово, — веселился приятель, — теперь пойдут! — Сейчас я ещё поддам жару...

И, подняв руку в ораторском жесте, неожиданно громко, как ей показалось — на всю аллею, продекламировал, ука-зуя на рыб:

Не рвутся, не линяют,
А сдохнут — не воняют!

— Ну прекрати, Кит, это уж слишком, — бормотала она смущённо.

Но весёлый ажиотаж, который он создал вокруг, действительно оживил торговлю.

Куканы рыб потихоньку худели. Потом, вслед за Лидией Васильевной, Анна отправилась перекусить, а когда вернулась — на верёвке торжественно висели две последние рыбы: «золотой» сазан и длинная пятнистая щука с серебристыми плавниками и горящим красным глазом. Торчать до закрытия с двумя оставшимися рыбами не хотелось, она отправила их в целлофановый пакет и засобиралась было сама побродить по выставке...

— О-ля-ля! А рибок больше нет? — раздался за её спиной весёлый голос, и обернувшись, она увидела... Ива Монтана! Нет, конечно, это был не Ив Монтан, просто очень похожий на него человек лет сорока. Он широко улыбнулся, весело посмотрел на Анну и спросил снова:

— Нету больше рибок?

Он выговаривал именно: «больше» и «рибок».

Она достала рыб и зачем-то спросила:

— Вы француз?

— А французам нельзя? — шутливо забеспокоился он. — Вы патриотка?

— Патриотка?

— Ну, Наполеон и всё такое... — он сделал вид, что боится притронуться к рыбам в её руках.

— Резистанс искупил вашу историческую ошибку.

И Анна протянула ему карася и щуку — на выбор.

— Обе, — решительно сказал он. — Русские деньги?

— Да-да, — заторопилась Анна, — приняв иностранную валюту, человек рисковал быть обвинённым в «валютной операции».

Расплатившись, француз поблагодарил, похлопал по своему портфелю, куда отправились рыбы, шутливо закатив глаза к небу, изрёк: «Очень красиво!» — и удалился.

* * *

Освободившись от товара, Анна отправилась бродить по выставочным аллеям. Это было время, когда лёгкое «потепление» позволяло художникам некоторый эпатаж. Правда, на аллее вышли в основном пасынки искусства, скромные учителя рисования да неудачники, прозябающие в котельных и дворничьих, — в кругу, дающем иллюзию фронды. Известные авангардисты и политический андеграунд искали других аудиторий и трибун, хотя именно они положили когда-то начало этим измайловским вернисажам под открытым небом с их печально известной бульдозерной расправой над первой такой выставкой. В частных домах разгорались «кухонные» дискуссии художников о том, как надо писать, и как бы они работали, дай им творческую свободу...

— А, вот ты где, — раздался над её ухом голос Кита. — Уже всё расхватали?

— Ага. С твоей лёгкой руки...

— Моя рука не только лёгкая, но и щедрая такая! — и он подал ей небольшой свёрток.

— Что это? — она хотела было развернуть, но он засунул свёрток в её пластиковый пакет.

— Книжечка моя. Друг отксерил по тихой в своём КБ. Потом, потом посмотришь. Там два экземпляра — тебе и своему Олегу передашь.

— Да мы не встречаемся...

— Не моё дело, твоя святая обязанность содействовать гению.

Так, балагурия, он тащил её к метро, на пути покупая сигареты для себя, цветы для Риты, рассказывая Анне всякие истории и анекдоты. Кончилось тем, что они проехали нужную станцию и опомнились только, когда за окнами вагона метро поплыли, удаляясь, её мраморные колонны и арки,

и металлический голос произнёс: «Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка...»

— Ма-ать, перелёт! — констатировал он. — Но даже и лучше, от следующей я знаю ближний путь через дворы.

В результате, когда они оказались у Риты и Вадима, из гостиной уже раздавались голоса гостей.

— Руки, руки мыть! — уворачиваясь от дружеских поцелуев Кита, торопила Рита, принимая их подношения.

Анна поспешила в ванную комнату и... застыла от изумления: на голубой кафельной стене, на самом видном месте, отражаясь в большом зеркале, висел её Золотой Сазан... Нет, не может быть! Все её рыбы были штучный товар, ни одной похожей... «Что же это значит? — мысленно спросила Анна, строго глядя на себя в зеркало. — Да что значит? Значит, что „Ив Монтан“ здесь, в этой квартире».

Они разными путями, через всю Москву ехали, чтобы снова встретиться здесь. Не фантастично ли это?!

— Нравится? — заглянула в открытую дверь Рита. — Это иностранец один подарил. Правда, красивая? В вашем Измайлове, говорит, купил. Для тела, говорит, и для души, — и она засмеялась. — Он завтра везёт во Францию стихи Вадима, у него дипломатические привилегии, Вадим решил напечататься «там». Понимаешь? Пойдём, познакомлю.

Анна обречённо выплыла в гостиную. Француз поднялся ей навстречу. Его лицо выражало такое же изумление, как, наверное, минутой ранее лицо Анны.

— Познакомьтесь, — сказал Вадим. — Жан Арно!

В голове пронеслось: «Уж слишком красиво! Жа-ан Арно-о! Как в кино или в романе».

— Мы знакомы. — сообщил Жан, улыбаясь. — Мадам была так великодушна, что простила французам Наполеона.

На секунду возникла заминка, но объяснения никого не интересовали, все уже засуетились, рассаживаясь вокруг накрытого стола.

За столом, кроме француза, сидел брат Вадима Илья, переводчик из Госкино. Пижон Илья в разговоре с Жаном норовил перейти на французский, явно щеголяя произношением и интеллектом. Жан подчёркнуто отвечал ему

по-русски, обводя присутствующих извиняющимся взглядом. Жан был артистичен, Жан был элегантен, Жан был очень «французист». И, кроме того, он всё время поглядывал на Анну. Это заметила Рита и сделала Анне «глаза».

Но никакие женские струнки в тот вечер в Анне не звучали. Они давно уже смолкли. Олег, с которым она прожила до его «побега» почти двенадцать лет, и, как ей всегда казалось, двенадцать счастливых лет, подорвал в ней веру в возможность слияния душ. А какая русская женщина не считает это главным для любви?! К тому же, когда регулярно, раз в полгода, отправляешься в ОВИР, — до любви ли? Голова настолько забита проблемами, что романтика отступает.

Возникает странное состояние: с одной стороны готовность номер один ко всем возможным и даже срочным изменениям, вплоть до отъезда в двадцать четыре часа, с другой — невозможность запланировать жизнь даже на ближайшие несколько месяцев. Ну, действительно: продавать всё в доме или нет, чтобы потом не сидеть ещё бог знает сколько на чемоданах? А квартира? Может быть, тоже пора искать покупателя, или попробовать, пока тянется время, помочь остающимся родственникам или друзьям, давно бедствующим на крошечной жилплощади, — взять да и поселиться на ней, а им предоставить свою — предмет их зависти и недосыгаемой мечты? Отправлять детей в институт или не напрягать их и себя, потому что скоро всё равно уезжать? Жениться или разводиться? Правда, этот пункт за неё решили, и вот именно поэтому сейчас не хотелось опять впутывать себя ни в какие отношения.

Помнится, в тот вечер она участвовала в общих разговорах, смеялась вместе со всеми и даже подняла пару тостов, но мысли её всё время кружились вокруг задачи вернуться домой не позднее десяти: именно до этого часа с дочкой сидела по воскресеньям няня, живущая в соседнем подъезде.

— Да ты позвони, попроси хотя бы до одиннадцати, — упорно уговаривала Рита.

Но Анна не хотела вносить ненужный нюанс в сложившиеся хорошие отношения с няней. Хоть тут пусть всё будет в порядке, хорошую няню трудно найти, и Анна старалась по отношению к ней вести себя безупречно.

И всё-таки, когда она, наконец, начала прощаться, времени оставалось совсем в обрез.

— Такси возьми у мебельного, — напутствовал Вадим.

— У какого мебельного? — не поняла Анна. Она плохо ориентировалась в их районе.

— Позвольте помочь вам, я знаю где. — вдруг выступил вперёд Жан. — Я умею ловить такси отсюда. И мне тоже нужно такси.

Все как-то сразу обрадовались, что Анна пристроена, да и ей тоже вдруг представилось облегчением, что кто-то сейчас понесёт её вещи, упакованные в большом пластиковом пакете, будет «голосовать» на дороге... и она не стала сопротивляться. Ну и что, в самом деле? Человек тоже спешит, завтра возвращается в свою Францию.

* * *

До её дома было езды минут двадцать. Высадив Анну в Замоскворечье, Жан мог ехать через Москва-реку прямо к себе в отель «Интурист», это было совсем близко.

В машине они поддерживали ничего не значащий разговор, чувствовалось, что оба устали, и говорить совсем не хотелось.

Но когда такси завернуло под арку дома, они увидели во дворе несколько пожарных машин, ещё одна с сиреной нагнала их уже во дворе. Из окон лестничной площадки Анниного подъезда валил густой дым. Анна выскочила, сунув Жану деньги, заранее приготовленные за проезд, и ринулась к дому.

Пока брандмейстер объяснял ей, что горят не квартиры, а мусоропровод, и что именно поэтому её и не пустят в подъезд, она увидела подходящего к ней Жана. Он молча взял у неё сумку и пакет.

— Я думал, что могу помогать. Вы не сердитесь?

Они простояли вместе у подъезда ещё около часа. Лифт не включили. Теперь уже казалось совершенно естественным, что Жан поднимается вместе с нею по задымлённым лестницам на шестой этаж. Все окна на площадках были распахнуты. Они шли, преследуемые запахом гари. По дороге наверх то и дело встречались жильцы, обсуждавшие случившееся. Изредка кто-то здоровался с ними, и они отвечали машинально. Как только Анна загремела ключами, няня распахнула дверь:

— Слава богу, вы дома! У нас всё в порядке, только мне пришлось разбудить Машу, думала, придётся спасаться.

Поблагодарив её и объяснив, что лифт не работает, Анна закрыла за ней дверь.

Из кухни с накинутым на плечи одеяльцем вышла им на встречу сонная дочка. Спутанные со сна льняные волосы, на носу и щеке чёрные разводы.

— Сандрийон! — умильно воскликнул Жан. — Она настоящая, как это по-русски?..

— Золушка? — вопросом ответила ему дочка, как раз изучающая в школе французский.

— Да-да, именно Золушка. Ведь это от горело? — тараторил Жан, указывая на разводы сажи на её лице.

Только сейчас Анна заметила, что и их лица и руки испачканы в копоти.

Утром в Измайлове могла ли Анна предполагать, что день кончится таким совместным приключением?!

— Мне понравилось, что он назвал меня Золушкой. — сказала Маша, закрыв за Жаном дверь. — Он кто?

Что она могла сказать про Жана? Случайный знакомый. Дочь и не спросила о нём на утро. Да и Анна постепенно перестала о нём вспоминать.

* * *

Пришла осень. Как-то, расставляя в вернисажной аллее под лёгким падающим снегом свои акварели, упакованные в прозрачный целлофан, она услышала за плечом радостное приветствие:

— Привет вам зимой, Анна!

В меховой шапке, в пушистом сером шарфе, в длинном чёрном пальто перед ней стоял и улыбался Жан Арно.

— Я имел надежду, что встречу вас здесь. Как жизнь? Всё хорошо?

— Ну конечно, — пришлось ей «дежурно» ответить. — Всё очень хорошо.

На самом деле неделю назад она в очередной раз отнесла в ОВИР обновлённые документы на выезд. Получив от хмурого полусонного пожилого инспектора форменную расписку с перечнем сданных документов, она вдруг обратилась к нему:

— Послушайте, почему вы не выпускаете меня, ведь я простая скрипачка и не знаю никаких государственных тайн?

— Скажи спасибо, — почему-то он обратился к ней на «ты», — что мы с тобой ещё разговариваем, в другое время ты давно уже была бы в другом месте, — и, помолчав, добавил, в раздумье уставившись в окно: — Просто у стенки стояла бы... и весь разговор.

Анна обомлела. Как он решился сказать такое?! Ведь это не 37-й год... Но Анна была последним посетителем, значит, свидетели исключались, и старый служака дал себе волю...

Анна вышла из дверей ОВИРа в состоянии, близком к истерике. Вокруг всё обыденно, идут куда-то прохожие, смеются и переговариваются, слышны детские голоса. У них своя жизнь, а у неё — своя. Кому расскажешь? Кто поможет?

Теперь вот этот благополучный иностранец спрашивает, как её жизнь! Прекрасна!

— О, бон! — обрадовался он. — У меня подарок для Сандрийон, это можно?

«Так, начинается. Иностранному туристу одиноко. А бедная русская, конечно, будет рада».

Её вдруг взяла такая злость, что она решила с треском ломать все его дальнейшие попытки «клеиться». Но ничего подобного не последовало.

Он подкупающе просто сказал, как будто подслушал её мысли:

— Нет-нет, я не прошу к вам гостить, мой подарок в отеле, я прошу ехать со мной в такси до отеля.

«Ну конечно, прямо в отель гораздо удобнее. А после всего: „Дорогая, иди куда хочешь“. Это уже не из Сандрийон, а из Дюймовочки».

Очевидно, мысли её отразились на лице, потому что он вдруг торопливо добавил:

— Я принесу подарок и ухажу в мой номер. Мой авьён сегодня вечером.

— Вы уже уезжаете?

— О да, я был одну неделю здесь. Теперь в январе.

— Вернётесь в январе?

— После вашего Рождества. У вас Рождество две недели позднее. Потом будет выставка «Французский натюрморт», хорошие вещи.

— Вы привезёте выставку?

— О нет, не я! Я только составил программу, у меня такая работа, как вы говорите, «по линии Франция — СССР».

На коробке, которую он принёс ей к такси, наискось было написано «Барби», и сквозь прозрачную крышку была видна кукла. Анна тогда ещё ничего не знала об этой кукле, завоевавшей впоследствии весь мир. Барби показалась Анне странной и слишком тощей для куклы, но ведь «дарёному коню»... К самой Барби прилагался «Гардероб Барби». Он был чудесен: платья, пальто, юбки, блузки, шорты и даже джинсы. К бальному платью полагалось «бриллиантовое» кольцо и сверкающий перстень, который, правда, не надевался на палец куклы, а вставлялся в маленькое отверстие, почти не видимое на крошечном пальце.

— Ну как? Вы думаете, ей понравится? Я боялся, что Барби у неё уже есть.

— О нет. — улыбнувшись, успокоила его Анна. — Наши куклы совсем другие.

Они попрощались снова перед его отъездом, и ей ничего не оставалось, как поблагодарить его и пожелать счастливого пути.

* * *

Перед Новым годом Анна простудилась в Измайлове, и вместо того, чтобы после праздника вместе с Машей поехать к Рите и Вадиму на дачу, отправила её одну с условием звонить ежедневно; сама же отлёживалась дома. Ходила по квартире, кашляя, в тёплых носках, укутанная в большой оренбургский платок. Кисти, краски, вязальный крючок, книжки — всё валялось из рук. Хотелось только спать, спать и спать. Во сне, она чувствовала, болезнь уходит быстрее.

Дня за два до возвращения Маши, сразу после её звонка, как только Анна положила трубку, телефон зазвонил снова. Анна даже подумала, что дочка что-то забыла сказать и звонит опять. Но это был Жан Арно. Он путано извинялся, говорил, что только что вернулся из Франции, что, приехав к Вадиму по делу на дачу, застал там Машу и так узнал об Анниной болезни. Что ему необходимо к ней зайти...

— Но я больна! — испугалась Анна за свой внешний вид. — У меня ангина, это небезопасно для вас.

— О, не беспокойтесь, я буду очень осторожный, но мне необходимо передать вам подарок для Сандрийон. Это сюрприз.

— Как подарок? Опять подарок? Жан, не слишком ли это?

— Но это логичный подарок. Барби просто не может без него жить.

Анна растерянно молчала.

— На Рождество. Можно?

Что было делать? Пришлось кидаться к зеркалу, метаться по кухне, сочиняя, чем угостить неожиданного гостя. Слабость была ужасная. На лбу выступила испарина, руки слегка дрожали, когда она отпирала Жану дверь.

Он появился, увешанный свёртками и коробками. Они вместе сложили их на диване, на спинку которого он небрежно бросил своё пальто, шапку и шарф, потом усадил Анну в кресло, потребовал, чтобы она укрыла ноги пледом, и только после этого сообщил:

— Подарки!

Первым была большущая коробка «Дом Барби». Он поставил её не распакованной на коврик у ёлки.

— Всё остальное — лекарства для вас, — предварил он её возможные возражения.

И потом начался театр одного актёра. Жан артистическим жестом доставал свёртки и объявлял одно за другим:

— Фрукты! Вам нужны витамины!

— Рыба! Вы любите копчёные миноги?

— Крабы! Это ваши, русские, — и затем озабоченно: — или вы их не любите?

— Люблю, люблю, — смеялась Анна.

— Картофель фри! Это наше. Да!

— Круасса-а-аны! — и он потряс перед её глазами целлофановым пакетом с румяными булочками в виде полумесяцев.

— Всё для лукового супа! Вы ели когда-нибудь луковый суп?..

Анна несколько раз пробовала луковый, якобы, суп то в Прибалтике, то в Сочи, то ещё где-то на гастролях. Всякий раз вкус был другой. Поэтому она честно могла признаться, и, кажется, это ему понравилось:

— Настоящего — никогда.

— Сегодня это будет! — уверил её гость.

На диване остался ещё один свёрток. Вернее, длинная коробка, завёрнутая в пакет.

— А это? — указала Анна на упаковку.

Жан взял свёрток и, не распаковывая, прижал к груди.

— Это... Это для меня — в чистой консистенции. А для вас я приготовлю из этого лекарство.

Конечно, вино.

Спектакль отнял у Анны много сил.

— Вряд ли я смогу сейчас трудиться на кухне. — призналась она. — Кажется, у меня поднимается температура.

Жан встрепенулся:

— О нет, позвольте, я сам, я хорошо умею стряпать на кухне. Да?

— Ну, хорошо... — сдалась Анна. — Вы идите, идите...

Отправляя его на кухню, она мечтала лечь и подремать.

В сборник Людмилы Тобольской «Бернарден и другие повести» входят произведения разных лет, герои которых, несмотря на безбедное и, казалось бы, спокойное существование, одержимы естественным стремлением к любви, радости, личному счастью. Это стремление, порой очень эгоистическое, приводит к драматическим, а то и трагическим изменениям судьбы как самого героя повествования, так и судеб окружающих его людей.

ISBN 978-1-960533-93-7

